

Всхлипывания постепенно утихли. Чжоу Цзыфэй ласково перебирал тёмные волосы Шэнь Цзя, а затем мягко заставил его поднять голову.

— Иди ко мне, малыш...

Тёплая, сухая ладонь прилегла к щеке Шэнь Цзя, сгоняя дорожки прохладных слёз.

Уголки глаз и кончик носа у него совсем покраснели, а влажные ресницы всё ещё подрагивали от частых всхлипов. Взглянув сквозь пелену слёз, он заметил, что плечо Чжоу Цзыфэя насквозь промокло. Шэнь Цзя бессознательно потёр мокрое пятно собственным рукавом и сбивчиво пробормотал:

— Одежда сырая... Простудишься ведь...

Чжоу Цзыфэй уже собирался встать и налить воды, но, услышав эти слова и глянув на парня, всё ещё вцеплявшегося в его рукав, ощутил, как сердце заливают волна нежной беспомощности.

— Ладно, муженёк сначала переоденется, а потом принесёт тебе попить.

Он поднялся и при свете ночника сбросил промокшую футболку. Чтобы не искать ничего долго, прямо так надел пижамную верхнюю рубашку Шэнь Цзя. Ткань всё ещё хранила лёгкий, едва уловимый аромат чужой кожи. Глянув на Цзяцзя, который сидел, опустив голову и потирая глаза, Цзыфэй не удержался и чуть оттянул ворот, уткнувшись в него носом.

— Цзыфэй, глаза...

Голос Шэнь Цзя звучал совсем охрипше. В глаз, похоже, попала выпавшая ресничка, причиняя резкий дискомфорт. Но, подняв взгляд, он увидел, что Чжоу Цзыфэй стоит с полуприкрытыми веками, глубоко вдыхая запах его пижамы.

— Ты... ты чего опять за своё?!

Перед глазами мгновенно всплыл тот самый первый день, когда Цзыфэй остался у него ночевать: точно так же нюхал его вещи, твердил, как вкусно от них пахнет, и при этом даже не пытался скрыть откровенное возбуждение.

Щёки Шэнь Цзя вспыхнули. Забыв, что всё ещё сидит с голыми ногами, он рванулся вперёд, смущённо выпалив, что не разрешает носить свою одежду.

Увидев, как парень безоглядно бросается к краю кровати, Чжоу Цзыфэй испугался, что тот свалится, и тут же подхватил его крепкими руками. Ладони мгновенно ощутили округлую,

мягкую плоть — он уверенно обхватил эти сочные ягодички и, как нашкодившего котёнка, легко усадил себе на руки.

Заметив, что Шэнь Цзя всё ещё пытается барахтаться, Цзыфэй нахмурился и со звонким хлопком приставил ладонь к мягкому месту, строго отчитывая:

— Не смей так прыгать! А если б на пол грохнулся?

Шэнь Цзя сидел на его литых, мускулистых руках, ощущая, как кожа в месте касаний становится обжигающе горячей. Поначалу он ещё дернулся, но после звонкого шлепка мгновенно обмяк, уткнувшись пунцовым лицом ему в плечо и уткнув язык за щёку.

— Сиди тихо, я тебе штаны надену.

Убедившись, что буян успокоился, Цзыфэй опустил на край кровати, натянул на него пижамные брюки, а затем, обхватив изящную тонкую лодыжку, надел носок на прохладную ступню.

— Ноги совсем ледяные. Вечером, когда будешь греть в тазике, посиди подольше. И чтобы без капризов, мол, вода слишком горячая.

Вспомнив эти капризы, Цзыфэй и сердился, и ничего не мог с собой поделать. Он лёгким щелчком задел подъём ступни и только потом нагнулся, чтобы обуть его в домашние тапочки.

Шэнь Цзя, обнимая его за плечи, тихонько проворчал:

— Но мне правда слишком жарко, некомфортно ведь...

Чжоу Цзыфэй прищурился, впился взглядом в его лицо и вдруг подался вперёд, слегка прикусив ямочку, что образовалась на поджатой щеке.

— А поправляться кто будет? Ты же сейчас до того хилый, что и пары заходов в постели не выдержишь — чуть что, сразу «не могу больше».

Слыша эту беззастенчивую пошлость, Шэнь Цзя от неожиданности вспыхнул и с досадой стукнул Цзыфэя кулачком в грудь:

— Не смей с самого утра такое болтать!..

Румянец залил его щёки, а в слегка прищуренных глазах заплясали влажные искры. Выглядело это не столько сердито, сколько как откровенное кокетство.

Цзыфэй тихо рассмеялся. Прижавшись ближе к смущённому котёнку, он принялся допытываться, какие именно слова тому не нравятся. Сильные руки крепко обнимали тонкую талию, а губы касались горячего кончика уха, посылая вместе с влажным дыханием дразнящий шёпот.

Шэнь Цзя вжал голову в плечи, упёрся ладонью Цзыфэю в переносицу и изо всех сил пытался отодвинуть эту упрямую красную голову. Второй рукой он перехватил его запястье, не давая ладони юркнуть под кофту.

Поясница у него до сих пор ныла, а соски при малейшем трении о ткань пижамы отзывались покалывающей зудящей чувствительностью.

Как ни крути, на ещё один заход его бы точно не хватило. Похоже, Цзыфэй прав: сил у него действительно маловато.

— Не... не трогай... Я пить хочу. В горле пересохло.

Ноги у Шэнь Цзя до сих пор слегка дрожали. Он вцепился в красные волосы Цзыфэя и с трудом приподнял его голову, умоляя не прижиматься больше к животу и перестать его поглаживать.

Ощувив лёгкое натяжение на затылке, Чжоу Цзыфэй наконец разжал объятия. Услышав сиплый голос, он вспомнил, что его малыш и впрямь мучается от жажды — после всех слёз и прочего из него вышло слишком много жидкости.

— Пойдём, напою своё сокровище.

Поправив помятую одежду, Цзыфэй подхватил ахнувшего Шэнь Цзя на руки и понес в гостиную.

Сообщение Шэнь Цзя увидел уже после обеда, когда они устроились на балконе, греясь в лучах полуденного солнца.

Он уже начинал дремать в объятиях Цзыфэя, как вдруг телефон в руке вибрировал: на экране высветились уведомления от Лу Хэ и Юй Сяньхана. Пальцы мгновенно замерли.

— Что там?

Заметив, что парень, только что крутивший пуговицу на его домашней рубашке, затих, Чжоу Цзыфэй опустил взгляд.

— Вот...

Шэнь Цзя приподнял голову и поднял экран повыше. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь тюль, ложился на его бледную кожу ажурными бликами, а тёмные глаза казались прозрачными, словно чистый хрусталь.

Цзыфэй не стал сразу смотреть в телефон. Он мягко провёл большим пальцем по уголку глаза Шэнь Цзя, задев длинные ресницы, и лишь затем вчитался в текст.

После того случая, когда он без спроса перехватил звонок Лу Хэ, Чжоу Цзыфэй больше не смел самоуправствовать, предпочитая давать Цзяцзя полную свободу решений. Но то, что Юй Сянхан вообще осмелился просить о встрече...

Цзыфэй мысленно усмехнулся. Этому ублюдку Шэнь Цзя больше не видать.

— И что ты думаешь, малыш? — спросил он, сдерживая темнеющий взгляд, но сохраняя ласковый и терпеливый тон.

Сидевший на его груди парень опустил голову. Тёмные волосы соскользнули с плеча, скрыв выражение лица.

Не видя его глаз, Цзыфэй почувствовал укол тревоги. Он уже протянул руку, чтобы приподнять его подбородок, но Шэнь Цзя сам ластился к его ладони.

— Я пойду и встречусь с ними.

Щека Шэнь Цзя доверчиво уткнулась в его руку, точь-в-точь как котёнок, просящий ласки.

Чжоу Цзыфэй понял, что под словом «они» подразумевался и Юй Сянхан.

— Хоть доктор Шэнь и просила пока избегать встреч с ними, мне кажется... я должен поставить в этом официальную точку.

Белоснежная щека чуть смялась о ладонь Цзыфэя, и Шэнь Цзя посмотрел на него снизу вверх своими круглыми, ясными глазами. Говорил он серьёзно, но в этой серьёзности сквозило какое-то трогательное, детское простодушие.

Взгляд Чжоу Цзыфэя смягчился. Он слегка сжал его щеку и с невольным вздохом произнёс:

— Сокровище моё, если честно, мне очень не хочется тебя отпускать...

— Почему?

— Боюсь, что тебе сделают больно.

Шэнь Цзя вдруг улыбнулся — открыто и светло. Его исхудавшее, бледное лицо от этой улыбки мгновенно ожило, расцвел какими-то яркими, пленяющими красками.

— Это же просто разговор. Какую боль они могут мне причинить?

Цзыфэй крепче обнял его, уткнувшись лицом в шею Шэнь Цзя, вдыхая знакомый сладковатый аромат кожи.

— Боюсь, что у тебя опять заболит сердце, — глухо отозвался он.

Шэнь Цзя чуть вжал шею от горячего дыхания, а потом поднял руку и, повторяя привычное движение Цзыфэя, погладил его по жестковатым красным волосам.

— Не заболит. Я ведь теперь... стал очень сильным.

Голос его звучал тихо, но уверенно. Ощущая спиной тёплую грудь, Шэнь Цзя казалось, будто он погружён в приятную, согревающую воду. Было спокойно и надёжно.

Найдя широкую ладонь Цзыфэя, он переплёл их пальцы.

У него наконец появилась храбрость встретить любую боль лицом к лицу. Даже если он не мог окончательно излечить старые раны, он хотя бы больше не дрожал перед ними.

— Я должен сам всё уладить. И... ради тебя тоже.

Шэнь Цзя повернул голову и коснулся губами его красных волос. Колочие пряди слегка покалывали губы.

— Ради меня? — Цзыфэй поднял голову.

— Ну да, — Шэнь Цзя прищурился от улыбки. — Цзыфэй, я хочу быть с тобой без всякого груза за спиной.

Чжоу Цзыфэй замер.

— Без груза...?

— Ты как-то сказал, что рад моей самостоятельности, но в отношениях хочешь быть для меня стеной, защищающей от любых бурь. Я много думал об этом в последнее время... И мне кажется, ты был неправ.

В глазах Шэнь Цзя искрился мягкий свет — в нём смешались и смущённая нежность, и редкая для него смелость.

— Отношения — это дело двоих. Я тоже должен стать сильным, чтобы стоять с тобой плечом к плечу. Чтобы мы вместе встречали любые ветры и дожди.

Сердце Чжоу Цзыфэя пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной силой.

От этих слов. От его взгляда.

Шэнь Цзя впервые заговорил о «будущем». Об их общем будущем.

— Малыш... я...

Чувства переполнили его, перехватив горло, и Цзыфэй не нашёл ничего лучшего, кроме как сжать Шэнь Цзя в объятиях с такой силой, будто хотел растворить его в себе.

И в этот момент Шэнь Цзя приложил указательный палец к его дрожащим губам. На щеке снова показалась крошечная ямочка. И сквозь оглушительный стук собственного сердца Чжоу Цзыфэй услышал его тихий, но невероятно чёткий шёпот:

— Я знаю, что ты меня любишь. И... я тоже тебя люблю, муженёк.

Встречу с Лу Хэ назначили в небольшом ресторанчике неподалёку от дома. Обедать с ними Шэнь Цзя не планировал — Цзыфэй обещал подождать его поблизости, чтобы потом вместе пройтись по супермаркету и купить продуктов на ужин.

— Малыш, если хоть что-то пойдёт не так — сразу звони мне, понял? — Чжоу Цзыфэй присел на корточки, застёгивая на нём пуховик, и снова не удержался от напутствия.

— Да понял я, понял, — Шэнь Цзя обнял поднявшегося Цзыфэя, а затем шагнул в сторону ресторана. Пройдя пару метров, он обернулся и с улыбкой помахал рукой стоявшему у машины парню.

У Чжоу Цзыфэя почему-то защипало в глазах. Сглотнув подступившие слёзы, он улыбнулся в

ответ и тоже помахал рукой. Лишь когда дверь ресторана закрылась за Шэнь Цзя, Цзыфэй медленно опустил ладонь.

На душе было немного смятенно. Цзяцзя стремился сам решать свои проблемы, и Цзыфэй искренне радовался его взрослению, но в то же время ощущал лёгкую светлую грусть — парень больше не цеплялся за него так отчаянно, как раньше.

Но видя, как Шэнь Цзя выбирается из глубокой тени прошлого и уверенно шагает навстречу новой жизни, Цзыфэй чувствовал лишь глубокое удовлетворение.

Этот завядший, измождённый цветок под его опекой среди суровой зимы постепенно расправлял лепестки, обретая своё истинное очарование.

Разве это не повод для радости?

Цзыфэй знал: его цель всегда была проста — сделать Шэнь Цзя счастливым и уверенным в себе. И пока это сбывалось, всё остальное не имело значения.

...

Шэнь Цзя никак не ожидал увидеть Чэнь Лэкана рядом с Лу Хэ. Тем более — в таком виде: с синяками и ссадинами на распухшем лице.

— Это ещё что? — нахмурился он, растерянно глядя на молчавшего парня.

— Ввязался в драку. Выяснилось, что он влез в чужую семью, к нему припёрлись прямо в университет, словно к какому-то любовнику. Они подрались, и Лэкан отправил того мужика в больницу, — с глубокой усталостью проговорила Лу Хэ. Она не стала добавлять, что Лэкан только поступил в магистратуру, а из-за этого скандала теперь ждёт решения дисциплинарной комиссии.

Шэнь Цзя помолчал, не зная, что ответить, и просто сменил тему:

— Ты писала в сообщении, что узнала «кое-что». О чём речь?

Плечи Лу Хэ вздрогнули. Она подняла взгляд на сына, её губы задрожали, но ни одного слова вытолкнуть из себя она так и не смогла.

Только сейчас Шэнь Цзя заметил, насколько покраснели её белки и какие тёмные круги залегли под глазами.

— Цзяцзя... это он разрушил твой брак? — наконец выдавила она сухим, надломленным голосом.

После того как Шэнь Цзя внес её в чёрный список, она сходила с ума от неведения. Чэнь Лэкан, видя её мучения, сам предложил связаться с одним знакомым, который мог знать контакты Цзяцзя.

Но в тот день пара фраз переросла в жестокую драку. Лу Хэ кинулась разнимать их и вдруг услышала, как избиваемый мужчина, прижатый к земле, выкрикнул:

«Это из-за тебя мы с Шэнь Цзя развелись! Ты думаешь, ты лучше?!»

Всё дальнейшее произошло слишком быстро.

Когда до Лу Хэ дошёл смысл этих слов, у неё земля ушла из-под ног. Она оттолкнула руку сына, пытавшегося её поддержать, и прямо посреди шумной улицы влепила Чэнь Лэкану оглушительную пощёчину.

Слёзы градом устремились из глаз. Она указывала пальцем на сына, не в силах вымолвить ни слова, а потом её просто вывернуло от тошноты прямо на глазах у прохожих.

...

Услышав её вопрос, Шэнь Цзя на мгновение замер, но быстро взял себя в руки. Сжав губы, он спокойно ответил:

— Да. Но всё уже в прошлом...

— Цзяцзя, почему ты ничего не сказал матери?! — перебила его Лу Хэ. Голос её сорвался на всхлип.

Она смотрела на взрослого сына, и сердце её разрывалось от невыносимой боли.

— Раньше, если у тебя в садике кто-то отбирал ластик, ты сразу бежал жаловаться мне! Почему о такой беде молчал?! Ты же сам говорил: пока мама рядом, тебе ничего не страшно и никто тебя не обидит! Цзяцзя, ты... ты...

Она не смогла договорить. Потянувшись через стол, она вцепилась в ладонь Шэнь Цзя — её собственные пальцы были ледяными.

Кровные узы — это пуповина, которую не так-то просто рассечь.

Глядя на застывшего перед ней, растерянного Шэнь Цзя, она мгновенно вспомнила маленького мальчика из прошлого. Каждый раз, когда его обижали, он уткнулся носом ей в колени и плакал, как замазанный сажей котёнок. А она гладила его по голове и твердила: «Обидели — дай сдачи, мама за тебя заступится. Мама никогда на тебя не рассердится, за кого бы ты ни вступился. Я за всё заплачу, только не давай себя в обиду».

Тогда маленький Цзяцзя вытирал слёзы и послушно кивал.

Так почему же сейчас... почему, столкнувшись с такой дикой несправедливостью, он молчал столько лет?

Шэнь Цзя вымолвил почти механически:

— Я... я думал, ты не станешь мне помогать...

Эти слова вонзились в сердце Лу Хэ, словно раскалённое лезвие.

Она сжала его руку с такой силой, будто боялась потерять его в толпе, как много лет назад.

— Цзяцзя... Все эти годы я не искала тебя. Я знаю, ты ненавидишь меня, но я... я просто так боялась... А в тот день, когда мы встретились, я увидела, как ты ударил Лэкана, и выкрикнула, что ты такой же, как Шэнь Цяньлун... Я...

Лу Хэ осеклась. Любые оправдания сейчас звучали жалко и пусто.

Факты были неоспоримы: она бросила Шэнь Цзя. Бросила больше чем на двадцать лет.

— Прости меня... Мама была слишком трусливой. Если бы я только знала... Если бы знала...

Что знала?

Всё уже слишком поздно.

Шэнь Цзя мягко высвободил руку и положил свою ладонь поверх её дрожащих пальцев, слегка успокаивающе похлопав.

— Я всё понимаю.

Лу Хэ вскинула голову, в её глазах вспыхнул робкий лучик надежды.

— Цзяцзя... ты... ты сможешь простить меня? Сможешь снова назвать меня мамой?

С момента их встречи он ни разу не произнёс слово «мама».

Казалось, это обращение вместе с детской любовью навсегда осталось погребено в прошлом.

— Я... — Шэнь Цзя опустил взгляд.

Тяжесть прожитых лет лёгкой паутиной встала между ним и Лу Хэ. На одном конце были его гноящиеся старые раны, на другом — дрожащая рука матери. Он стоял на этой грани, как на натянутом канате, и каждый шаг давался с болью.

Наконец Шэнь Цзя остановился и дал свой ответ:

— Я не могу простить. Но я всё отпустил.

Он посмотрел матери прямо в глаза и тихо добавил:

— Цзыфэй и мой врач научили меня: отпустить — не значит простить причиненную боль. Это значит, что я готов жить дальше.

Шэнь Цзя понимал: он никогда не был ни настолько великодушным человеком, чтобы с лёгкостью забыть всё, ни настолько жестоким, чтобы мстить.

Он был просто... немного слабым, немного запутавшимся обычным человеком.

И всё, что он мог сделать сейчас — это отложить прошлое в сторону. Возможно, пройдет много времени, прежде чем у него найдётся достаточно сил и мужества окончательно разобраться с этим.

Не у всех жизненных задач есть четкое решение. Шэнь Цзя выбрал самый простой путь — оставить всё как есть и довериться времени.

Он не знал, как реагировать на извинения Лу Хэ.

Сказать, что простил? Но годы одиночества это не вернёт.

Сказать, что не прощает? Он прекрасно понимал, что её бегство от домашнего насилия было единственным способом выжить.

Он понимал её поступок тогда. Но не мог простить того, что всю свою материнскую ласку она отдала Чэнь Лэкану, полностью вычеркнув родного сына из своей жизни.

Она подарила ему жизнь, он помнил её любовь в раннем детстве — и только ради этих воспоминаний он никогда не сможет искренне её возненавидеть.

Шэнь Цзя перевёл взгляд на избитого Чэнь Лэкана.

Но...

Шрамы в его душе были слишком глубоки. Боль порой казалась невыносимой.

Когда-то его разбила жизнь, но собирал его по кусочкам совершенно чужой человек, а не та, с кем его связывала кровь.

Шэнь Цзя сжал тёплую чашку, слегка провёл пальцем по её краю и тихо произнёс:

— Я не смогу снова назвать тебя мамой. За столько лет я слишком привык к тому, что у меня нет родных.

Эту запоздалую материнскую любовь он принять уже не мог.

...

В этот миг Лу Хэ ощутила, как рушится её мир.

Она сглатывала слёзы, глядя на сидевшего напротив парня. Внешне он был невероятно похож на неё, но рост и осанка говорили о том, что перед ней совершенно взрослый человек.

Часто говорят, будто можно сопереживать чужой боли, но сейчас из этих тихих слов сына Лу Хэ с ужасающей чёткостью ощутила всю глубину его детской обиды и одиночества. Во рту стало горько от слёз.

Пуповина, связывавшая мать и дитя, окончательно разорвалась.

Она больше никогда не увидит того светлого, преданного взгляда, не услышит ласкового «мама».

Наверное, ещё с той ночи, когда она решилась побежать, с тех долгих лет, когда страх глушил мысли о сыне, она шаг за шагом отдалялась от него. И пока она не оглядывалась назад, тот маленький мальчик, так долго ждавший её, просто повернулся и пошёл своей дорогой.

Дорогой, где матери больше не было места.

— Цзяцзя... Цзяцзя... мама... мама правда... — задыхалась в слезах Лу Хэ, пытаясь подобрать слова, но горло перехватило спазмом.

У Шэнь Цзя тоже защипало в глазах. Сдерживая слёзы, он молча подвинул салфетницу к Чэнь Лэкану.

Отныне заботиться о матери предстоит этому человеку.

Молчавший весь разговор Чэнь Лэкан ошеломлённо уставился на салфетку, а затем поднял глаза на Шэнь Цзя.

На этом красивом лице, кроме слегка покрасневших век, сохранялось то же спокойствие, с которым он встретил их в первую минуту. Будто все бури прошлых лет он сумел укротить где-то глубоко внутри.

Этот человек — его старший брат.

Самая невинная жертва в той семье, которую он сам же и разрушил.

Ребёнок, которого мать бросила ради его спасения.

Человек... перед которым он в неоплатном долгу.

Волна стыда, раскаяния и жгучей боли накрыла Чэнь Лэкана.

Раньше он наивно полагал, будто сложные отношения матери и Шэнь Цзя его не касаются. Но теперь до него наконец дошло: само его существование и благополучие были для Шэнь Цзя самой жестокой пыткой.

В детстве Цзяцзя мог умолять мать остаться или увязаться за ней, но он ничего этого не сделал. Он просто молча смотрел, как она уходит.

Как он выжил в одиночку?

С отцом-извергом, бросившей его матерью и человеком рядом, который так и не услышал крика его души.

Чэнь Лэкан дрожащей рукой взял салфетку. Когда его пальцы случайно коснулись ладони Шэнь Цзя, сердце сжалось от боли. Он впервые ощутил эту тяжелую, невидимую кровную

связь.

— Прости...

— Это всё моя вина... Прости меня...

Слёзы хлынули из его глаз. Голос сорвался на хриплый всхлип, пальцы так дрожали, что он едва удерживал бумажку.

Извинения давно потеряли смысл. Время было упущено. Но глядя на умиротворённое лицо Шэнь Цзя, он не мог вымолвить ничего, кроме этого беспомощного «прости».

В той серой, беспросветной жизни, которой жил Шэнь Цзя последние двадцать лет, Чэнь Лэкан, пусть и невольно, забрал всю материнскую любовь, предназначавшуюся брату. А спустя годы совершил ту же ошибку.

Тогда Юй Сянхан был прав: никакой он не хороший человек. Ради сиюминутного увлечения он причинил боль той самой семье, которая пожертвовала всем ради него.

Этот долг ему не выплатить никогда. И он не имел никакого права просить о прощении.

Ни он, ни его мать. Они были обидчиками. А обидчики не смеют молить о милосердии.

Шэнь Цзя не мог заставить себя простить мать, но её слёзы всё ещё отзывались болью в его груди. И всё же, видя, как Чэнь Лэкан вытирает слёзы Лу Хэ и тихо её успокаивает, он ощутил, как многолетняя тоска окончательно отступает, сменяясь лёгким освобождением.

...

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь, можете обратиться ко мне.

Разговаривать больше было не о чем. Пришло время прощаться. Шэнь Цзя поднялся из-за стола.

Он думал, что в этот момент у него сдадут нервы или он захочет сбежать, но на душе царил удивительный покой. Наверное, в глубине души он проигрывал этот сценарий сотни раз.

Раньше не хватало смелости сделать первый шаг. Но стоило переступить черту, как дальнейший путь стал предельно ясен.

Чэнь Лэкан сипло кивнул. Лу Хэ всё ещё безутешно плакала. Шэнь Цзя не стал больше

смотреть на мать и слушать её всхлипы. Постояв пару секунд, он сделал шаг к выходу.

Глядя на обнявшихся мать и сына, он вдруг остро почувствовал, как сильно хочет увидеть Чжоу Цзыфэя.

В этот момент за его рукав кто-то слабо потянул. Опустив взгляд, он увидел дрожащую руку Лу Хэ.

— Цзяцзя... мама правда... хочет, чтобы ты был счастлив.

Счастливее всех на свете.

Чтобы больше никогда не проливал слёз. Чтобы чаще улыбался.

Лу Хэ отчаянно вцепилась в ткань его пуховика, пыталась поймать его взгляд, надеясь разглядеть хоть каплю сожаления.

Неужели она правда теряет его?

Теряет своего мальчика, который когда-то сворачивался клубочком у неё на груди, такой худенький, похожий на котёнка, и ластился щекой к её рукам?

Шэнь Цзя помолчал. Губы его тронула едва заметная улыбка.

Он мягко накрыл руку Лу Хэ своей ладонью, ощутив её тепло, а затем перевёл взгляд на Чэнь Лэкана и произнёс очень серьёзно:

— Чэнь Лэкан, позаботься о ней.

Потом он снова посмотрел на Лу Хэ, в последний раз вглядываясь в изменённое годами лицо.

Спустя мгновение, когда образ матери из далекого детства окончательно растворился, уступив место стоящей перед ним женщине, Шэнь Цзя без колебаний разжал пальцы и отпустил её руку.

Теперь ему пора было идти к Чжоу Цзыфэю.